

МУНИЦИПАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«КУНЬИНСКАЯ СРЕДНЯЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА»

ШКОЛЬНЫЕ ЮНОШЕСКИЕ ЧТЕНИЯ «Я и XXI век»

Пять месяцев гнёта

Автор:
Наделко Максим,
обучающийся 8а класса
МБОУ «Куньинская средняя
общеобразовательная
школа»
Куньинского района
Псковской области

Руководитель:
Белова Ирина Геннадьевна,
учитель иностранного языка
МБОУ «Куньинская средняя
общеобразовательная
школа»
Куньинского района
Псковской области

п. Кунья, 2017 год

Содержание

Введение	3
Глава 1. Тревожное ожидание.....	4
Глава 2. Месяцы гнёта.....	10
Глава 3. Освобождение.....	19
Заключение	26
Приложение 1	28
Приложение 2	32
Приложение 3	33
Информационные источники	34

Введение

Года...

Мы говорим о них с волнением,
Забывать их невозможно никогда...

Пусть в памяти живут они грядущих поколений.

Л.В.Горюнова

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след на нашей, куньинской, земле. Еще и сегодня живут воспоминания о ней в ее непосредственных участниках, ее свидетелях и в нас - потомках тех, кто видел ее своими глазами. Пять месяцев оккупации стали тяжелым испытанием для всех жителей Куньинского района.

31 января 2017 года наш район отметил семьдесят пятую годовщину освобождения от немецко-фашистских захватчиков. О событиях августа 1941 года — января 1942 года неоднократно писалось в районной газете «Пламя», на страницах краеведческой литературы. Большое количество информации имеется о периодах отступления и наступления советских войск, о зверствах фашистов и жизни мирных жителей во время оккупации. Но эта информация в основном касается событий, происходивших на территории всего района. Конкретно о жизни поселка Кунья во время оккупации информация разрозненная. В 2015-2016 учебном году во время работы над исследованием «Бусинка Риги-Москвы» было выяснено, что большого количества газетных статей и воспоминаний очевидцев о Кунье того периода нет, но в разных источниках имеются отдельные части информации, которые можно свести воедино и воссоздать целостную картину жизни населения в пять месяцев оккупации поселка.

Цель исследования – собрать и систематизировать информацию о поселке Кунья в период оккупации немецко-фашистскими войсками во время Великой Отечественной войны.

Задачи:

1. Проанализировать информацию, имеющуюся в районном краеведческом музее и Центральной районной библиотеке Куньинского района;
2. Проанализировать Интернет-источники;
3. Дополнить имеющуюся информацию воспоминаниями нескольких старожилов об оккупационном периоде поселка Кунья.

Методы исследования: интервьюирование, опрос, анализ информационных источников, обобщение материала.

В данное исследование вошли материалы, полученные в ходе работы над социальным проектом обучающихся 6а класса МБОУ «Куньинская средняя общеобразовательная школа»

Глава 1. Тревожное ожидание

О военном периоде поселка Кунья рассказывают четыре основных источника информации:

- Книга Памяти Псковской области Куньинского района;
- материалы районного краеведческого музея;
- книга В.А.Гринева «Куньинский район. Природа, история, современность»;
- материалы Центральной районной библиотеки (они же размещены в сети Интернет).

Поселок Кунья в 1941 году имел важное стратегическое значение, поскольку через него проходило железнодорожное сообщение, он находился в непосредственной близости от города Великие Луки и был расположен на прямом пути следования в Москву. Поэтому занять его для гитлеровской Германии было очень важно. Уже через месяц после начала Великой Отечественной войны немецкие войска пытаются оккупировать наш район.

Из материалов районного краеведческого музея:

«Война, развязанная гитлеровской Германией, обрушив на мирные города и села град бомб и снарядов, в июле 1941 года подошла и к нашему поселку Кунья. Второго июля бомбили станцию Великополье нашего района. Под натиском превосходящих сил врага, ведя тяжелые оборонительные бои, наша армия отступала. Многие из местных жителей, покидая родные места, шли добровольцами на фронт. Эшелоны дивизий из 22-й армии еще за 10 дней до начала войны, 12 июня, отправляли к месту назначения через нашу станцию Кунья и Великополье. Полевое управление армии к 25-му июня было размещено в г. Великие Луки, командовал 22-й армией генерал-лейтенант Ершов, а 179-я стрелковая дивизия полковника Гвоздева расположилась вблизи Куньи и Ущиц. В Псковской области немцы раздвоили удар: одно направление через Остров было на Ленинград, центральное — на Москву через Невель, Смоленск, Великие Луки, Торопец, Западную Двину. Нужно было всеми силами защищать Смоленский большак. Смоленский большак — это древняя дорога на Смоленск-Сиверст-Хрущели-Встеселово, а дальше Груздово-Торопец-Москва. Кроме того, железная дорога через Кунью имело большое стратегическое значение. Город Великие Луки был очень хорошо укреплен: 29 стрелковый корпус, 48 танковая дивизия, 95 и 96 танковый полки, 48 гаубичный артиллерийский полк, 48 отдельный разведывательный батальон. Поэтому немцы должны были обойти город Великие Луки. Рубеж обороны был между Хрущелями-Балычами.

В начале июля фашисты совершали налеты на наш поселок, надеясь уничтожить железнодорожное полотно, составы, стоящие там. В путевом

журнале начальника восстановительного поезда Яна Генриховича Оя, начатого 1 июля 1941 года, записано: «14.07.1941 год. Станция Кунья. От бомбежек разбито 2 пути, свалено 3 вагона, засыпано 3 воронки». Были и человеческие жертвы. Одна из бомб угодила в дом Пуховиковых, погибли трое людей (хозяева) и два солдата, бывших там. Уже 10 июля по сельским Советам были созданы отряды народного ополчения, принято решение об эвакуации населения, имущества и скота вглубь страны. Беженцев отправляли со ст. Кунья, Великополье, Назимово...»

О первых бомбежках поселка Кунья подробно написано в книге В.А.Гринева «Куньинский район. Природа, история, современность»:

«...На основании опроса куньинцев — очевидцев событий... удалось установить, что Кунья подвергалась бомбардировке 4 раза до ее оккупации. О бомбежках на радиоузел сообщал солдат, дежуривший на крыше райисполкома.

Первая бомбежка, по утверждению старожилов, была 1 июля. Самолет прилетел со стороны д. Носово с северо-запада. Погода была пасмурная. Солдат-наблюдатель его не заметил. Он сбросил 4 бомбы. Одна попала в хозяйственные постройки железнодорожной казармы на ул. Советская напротив нынешнего ресторана, погибли домашние животные. Вторая перелетела через железную дорогу и упала в пруд в привокзальном саду. Третья угодила в привокзальный туалет, четвертая в дом Пуховиковых на ул. Пионерская...»

О первой бомбежке поселка Кунья вспоминает Столярова Евгения Дмитриевна, 1926 года рождения, уроженка деревни Антухово, расположенной рядом с поселком Кунья.

Из воспоминаний Столяровой Евгении Дмитриевны (информация собрана во время работы над исследованием «Бусинка Риги-Москвы»):

«...Летом сорок первого года я была в Кунье. Попала под первую бомбежку. Удивительно, что это произошло 22-го числа. 22 июня началась война, 22 июля первый раз бомбили Кунья, 22 августа немцы заняли Кунью, 22 января они ушли из Куньи. В то время льнозавод считался объектом военного значения. Мой отец там работал. Льноволокно отгружали сразу, говорили, что оно идет на производство пороха (не знаю, так ли это). В тот день, 22 июля 1941 года, почему-то осталось неотгруженное льноволокно. Оно было сложено кипой на вокзале. Рядом со стрелками на перроне был заборчик, и оно там было сложено. Отец отдежурил ночь, а волокно опять не отгрузили. В то время в Кунье было много красноармейцев. Отец пришел и говорит: «Иди, смотри волокно, а то много солдат, кто-нибудь бросит окурочек, и все загорится». Отправили меня. Я пошла, забралась на волокно и сижу, книжку читаю. И вдруг самолет летит — низко-низко, и такие огромные черные кресты на крыльях прямо надо мной. Что-то завизжало. Все красноармейцы стали прятаться по кюветам, под вагоны полезли, и я

под брезент спряталась. Начались взрывы, и я полезла под брезентом на землю и легла. И тишина... Я выглянула: никого нигде. А там, где сейчас Администрация (это как раз было напротив), солдат поднялся и кричит мне: «Дочка, сюда, сюда!» Ну я и туда, к нему. Он говорит: «Посмотри, как все ваши побежали». С Новой, с Советской улицы люди с детьми бежали под Красную горку. Там рожь была посеяна, бежали через эту рожь. И я туда. Прятались до двух часов ночи. Потом я вернулась. Отец, как началась бомбежка, сразу побежал на вокзал – меня нет, одна книжка лежит. Он сразу в милицию, пошли меня искать, не нашли, никто ничего не знает. И я пришла только в два часа ночи...»

Из книги В.А.Гринева «Куньинский район. Природа, история, современность»:

«...Вторая бомбежка, по опросам очевидцев, состоялась 12 июля (по литературным источникам — 14 июля). Одна бомба прошла через здание райисполкома и застряла в подвале, не взорвавшись. Начальник ДОСААФ Котов Василий Иванович позже вызывал саперов ее обезвреживать. В эту бомбежку убило Митрофанова Бориса Дмитриевича...

Из воспоминаний Гринева Анатолия Арсентьевича, бывшего директора КБО 1936 года рождения, уроженца деревни Кожино (материалы предоставлены Центральной районной библиотекой, собраны Гриневым Вячеславом Анатольевичем):

«...Одна из бомб при бомбардировке поселка Кунья точно попала в двухэтажное здание его администрации и пробила его от крыши да подвала. Но при этом никто не пострадал. Так как тяжелая бомба была без запала. Вместо запала была вставлена записка: «Чем можем, тем поможем. Антифашисты». Бомбу обезвреживали саперы во главе с тогдашним председателем ДОСААФ Котовым. Опасный боеприпас отвезли в сторону деревни Желтилово в овраг. Котов приказал всем присутствующим отойти на безопасное расстояние и поджег бикфордов шнур. Он только что купил новый велосипед и собирался на нем стремительно уехать от подрываемого боеприпаса. Но широкие брюки впопыхах тут же попали в велосипедную цепь. Он вначале попытался освободить штанину - это не удалось. Затем побежал вместе с застрявшим велосипедом - не получалось. Тогда сорвал с себя штаны и убежал. Тут же раздался взрыв, и его новый велосипед и штаны взлетели на воздух и разлетелись в клочья, но сам Котов остался жив...»

Из книги В.А.Гринева «Куньинский район. Природа, история, современность»:

«...Во время третьей бомбежки бомбили комплекс административных и хозяйственных зданий в районе нынешней улицы Октябрьская: райисполком, узел связи, сырзавод, железную дорогу. При бомбежке ранило

несколько человек, в том числе начальника почты Васильева Максима Максимыча, Климентьева Николая, рабочую сырзавода Коведяеву Екатерину тяжело в ногу. Одна бомба упала возле дома Колоницких на ул. Октябрьская и не взорвалась, вторая возле райкомзема райисполкома — никто не погиб, еще одна — в парке возле бывшей столовой - бомба не взорвалась: говорят, в запале были найдены записки, что это работа антифашистов.

Четвертая бомбежка была 22 августа перед захватом Куньи. Более десятка самолетов бомбили и обстреливали позиции защитников поселка...»

Из материалов районного краеведческого музея:

«... 22 августа после продолжительной бомбежки, когда налетело 20 самолетов, в час дня в пустынный поселок вошли немцы. Двигались они со стороны деревень Встеселово и Коврыжкино. Затем в поселок вступила колонна немецких танков. Вражеские танки двигались колонной, не ожидая встретить отпор. Врагу сходу взять Кунью не удалось. Отделение Сергея Бакалова вело бой вместе с артиллеристами А.В. Чапаева, недалеко от Куньи. Солдатам нашей армии пришлось отступить, потому что фашисты обладали превосходящими силами и техникой...»

Из воспоминаний Егоровой Марии Дмитриевны, бывшей учительницы литературы и русского языка Куньинской средней школы, 1928 года рождения, уроженки деревни Жиботицы (материалы предоставлены Центральной районной библиотекой):

«Запомнилось мне, когда немцы вошли в Кунью. Это было неожиданно, потому что все говорили, что их не пустят в Великие Луки. За день до этого мы теребили лен недалеко от центральной нашей улицы. Шли наши молодые солдаты твердым шагом. Девушки - санинструкторы в красивой одежде. Мы смотрели, бросили работать. И не могли понять, почему они идут. Потом услышали день и ночь канонаду. Они шли от фронта - отступали. Шли молча и не переговаривались, как будто о чем-то тяжело думали, не обращая на нас внимания. Через день-два появились самолеты. Началась бомбежка, где-то в Обляпышево - несколько самолетов. Мы добежали до реки, спрятались у обрыва и ждали, когда бомбежка закончится. Потом заскрежетали танки и стало ясно, что немцы уже в Кунье. Зря скрывали, что наши отступают, потому что народ бы подготовился. Мы жили тогда в Казарницево (сейчас это деревня Кресты).

Мальчишки и брат побежали в Кунью. Разбомбили аптеку. Дед Евстигней принес спирта, лекарства валялись в грязи. Через несколько дней от Харитоново пришел наш конный отряд. Их всех покосили. А похоронили погибших перед бывшим сырзаводом где-то на территории нынешней базы райпо... Мне тогда было 13 лет - окончила 6 классов...»

С целью дополнения имеющейся информации об оккупационном периоде поселка Кунья было решено обратиться к очевидцам произошедших во время оккупации событий.

Из воспоминаний Пятерневой Антонины Федоровны 1929 года рождения (в 1941 году проживала на ул. Набережная п. Кунья), собранных в результате работы над данным исследованием:

«Это было 22 августа 1941 года. Моя мама взяла меня с собой на работу — она работала на предприятии, которое в то время называлось «Красный завод», там изготавливали клюквенный лимонад, варили хлебный квас и клюквенное варенье, а также пекли хлеб, уже для военных, вкусный, круглый. Всё было тихо и хорошо. Был теплый день. К заводу подъезжали грузовые военные машины, нагруженные мешками с мукой. Ребята военные, молодые, шутили, смеялись, разгружая мешки, меня на руках подбрасывали в воздух и хохотали.

Вдруг в небе появился немецкий истребитель: шел в пике и строчил из пулемета. Все, конечно, очень испугались и побежали кто куда. Мы с мамой попали в «ледник», там стояли деревянные бочки, бутылки с лимонадом и многое другое. И тут заговорили... Немцы!... Да, по дороге (видимо, от Торопца) шли немецкие танки. Шли так: танк, сзади мотоциклист (мотоцикл с люлькой) и так вся вереница. Но никто не стрелял. Все стали разбегаться кто куда. Ребята военные, пригнувшись, бежали через железную дорогу в лес, в сторону деревни Красная Горка, мы с мамой выскочили в окно и прыгнули в длинную траншею, которая была вырыта рядом с заводом — сидели и ждали момент, чтобы выскочить и перейти дорогу к дому. Потом, в страхе перебежав дорогу, дома с собою схватили буханку хлеба и почему-то ватное одеяло и побежали в деревню Матушкино (недалеко от Куньи). Там проживала мамина сестра с семьей тетя Оля. Пробежав через школьный участок, мы без памяти добежали до речки. Босиком, прячась у берега, мы бежали по воде до поляны. А немцы уже бомбили Кунью, в основном бросали бомбы на железную дорогу (потом говорили, что было 16 бомбардировщиков). Прибежав в деревню, рухнули в окоп, где спрятались жители деревни. Я тут же потеряла сознание. Так, в окопе, мы жили в страхе всю неделю. Вечером выйдем из окопа — всё кругом горит, слышится обстрел, немцы прочесывали леса... Страшно...»

Из воспоминаний Селезневой Лидии Ивановны 1935 года рождения (в 1941 году проживала на ул. Набережная п. Кунья), собранных в результате работы над данным исследованием:

«Как объявили войну, люди стали выходить на дорогу, стали разговаривать, куда уходить, где спрятаться. Ну а потом пришли и немцы. Началась бомбежка... Как начали самолеты летать, как стали бомбы кидать — страшно было... И мы ушли в деревню. У моей мамы был брат. Через реку была деревня Заречье, в которой было всего три или четыре дома, и мы

думали, что нас там немцы не найдут. А немцы и туда пришли, и там нашли нас... Я была совсем маленькая, потому почти не боялась их. А вот в соседнем доме жила девочка, лет четырнадцати, так немец наставил на нее автомат и всё что-то спрашивал по-немецки, а мы ничего не понимали... Поняли только, что он что-то про партизан спрашивал, где их найти. Она ему ничего не говорила, все молчала. Он ее не тронул. И вообще, мне повезло - на моих глазах никого немцы не стреляли. Только когда они наступали в Кунью, был большой бой, много жертв. Наши солдатики погибали, и с немецкой стороны тоже....»

Из воспоминаний Горюновой Лидии Васильевны, уроженки деревни Тетеркино, находящейся рядом с поселком Кунья, собранных в результате работы над данным исследованием:

«1941 год, год оккупации нашей местности... Задолго до оккупации враг с воздуха готовился уничтожить наш поселок, каждый день бомбил, посылая, как мы тогда говорили, страшные бомбардировщики «Рама». Часто бомбы падали не на станцию Кунья (им нужно было уничтожить железную дорогу), а на нашу деревню Тетеркино, что рядом с Куньей. К счастью, бомбы взрывались рядом с деревней, и наши деревянные дома готовы были развалиться: такой сильной была взрывная волна... В один из дней мы услышали со стороны Обляпышева скрежет машин — немцы двигались к поселку Кунья...»

Таким образом, из различных источников информации следует, что война пришла на куньинскую землю задолго до того, как жители района увидели немецкие войска воочию. За два месяца войны, до захвата гитлеровскими войсками поселка Кунья в августе 1941 года, было совершено четыре авиационного налета на улицы, близлежащие к железной дороге, взорваны жилые дома и административные здания, ранено и убито несколько человек. Упали и неразорвавшиеся снаряды, что помогло спасти жизни многим местным жителям. Была объявлена эвакуация населения, угонялся в безопасные районы, еще не занятые фашистами, скот. Шли тяжелые бои под Великими Луками, и люди не ожидали, что немцы обойдут город по старому Торопецкому большаку и окажутся в Кунье быстрее, чем будет взят город Великие Луки.

Отступление советских войск, неоднократные бомбардировки, страх перед неизвестностью — все это характеризовало первые месяцы Великой Отечественной войны.

22 августа 1941 года фашистские войска заняли поселок Кунья — район оказался под оккупацией гитлеровскими захватчиками.

Глава 2. Месяцы гнёта

Пять месяцев оккупации — с 22 августа 1941 года по 22 января 1942 года — остались тяжелым отпечатком в истории как всего Куньинского района, так и его центра — поселка Кунья.

О непрекращающейся борьбе наших войск с немецко-фашистскими захватчиками в первые дни оккупации поселка Кунья рассказывают воспоминания Фролова Павла Максимовича, заслуженного учителя Литовской ССР, поделившегося ими с музеем боевой славы одной из литовских школ.

Из материалов музея боевой славы средней школы №37 г. Вильнюс (информация предоставлена районным краеведческим музеем):

«В ночь на 23 августа 1941 года лейтенант Л.Жолудев летал на разведку. Вернулись, немного отдохнули и днем получили приказ вылететь к станции Кунья. Лейтенант был командиром звена в 150-м скоростном бомбардировочном полку, и повел он на боевое задание семь бомбардировщиков бомбить вражеские войска — живую силу и автомашины в районе станции Кунья.

Много там в тот день было войск гитлеровцев. Экипаж лейтенанта бомбил врагов с высоты в 600 метров. Вражеским зенитчикам удалось повредить самолет командира звена, был выведен из строя правый мотор.

Но лейтенант продолжал полет. Он еще больше спустился, чтобы дать возможность штурману вести огонь из пулемета по войскам противника. Сделали три захода и израсходовали все боеприпасы и тогда полетели домой на одном моторе. Перелетели линию фронта и сделали удачную посадку...»

Информация об оккупационном периоде Куньинского района имеется в *районном краеведческом музее*:

«...Дни оккупации были тяжелыми для нашего района. Сегодня трудно представить, что пять месяцев в районе был режим кровавого террора и насилия. Расстреливали, вешали как мирных граждан, так и военнопленных, угнали 273 человека на работы в Германию. За время оккупации на территории района расстреляли 83 человека, повешено 3 человека, умерло после истязаний в застенках гестапо 5 человек, убито во время боев 14 мирных граждан, растерзано и расстреляно 139 военнопленных. Всего в районе замучено, расстреляно и повешено почти 300 человек. Немцы уничтожили 353 жилых дома, 11 клубов, 335 хлевов и скотных дворов, 297 сараев и навесов (*приложение 1*). Полностью было уничтожено колхозное животноводство.

На территории поселка Кунья в районе деревни Обляпышево немцы разбили лагерь для военнопленных (с августа до середины сентября по официальным данным). Туда были согнаны 4000 солдат и офицеров. Условия содержания были очень жестокими, многие умирали от голода, многих расстреляли, часть военнопленных погибла по дороге в Великие Луки. По воспоминаниям очевидцев, обочины дороги до города были усеяны трупами. Неслучайно сами пленные называли этот лагерь «Долиной смерти»...»

Воспоминания местных жителей, собранные во время работы над исследованием, дополняют сведения о данном факте.

Из воспоминаний Горюновой Лидии Васильевны:

«...Попавшие в окружение наши солдаты стали пленными, их расположили рядом с дорогой в низине у деревни Обляпышево. Местные жители близлежащих деревень шли к лагеря военнопленных, надеясь найти среди них своих родственников. Часто пленных водили в поселок Кунья на работу (там у немцев были склады с оружием). Сопровождали их фашисты, а мы, жители, подходили к дороге, по которой их вели, чтобы хоть чем-то их подкормить. Был август, на огородах уже поспела свекла, капуста, и мы бросали овощи и ботву под ноги идущим нашим солдатам. Ведь они были голодные, спали прямо в земле в вырытых ямах, а было уже холодно. Солдаты голодали и с жадностью подбирали даже ботву, чтобы не умереть от голода...»

Из статьи «Лагерь смертников» газеты «Известия» от 7 августа 1942 года (приложение 2):

«... Убивали непосильной работой. Пленные валили лес, надрываясь, срывали горы, сравнивая дорогу. Доведенные до крайнего истощения, обессиленные люди падали. Таких конвоиры до смерти забивали палками. Для «провинившихся» была изобретена особая пытка. На горе возле бывшего здания немецкой комендатуры до сих пор зияют двенадцать глубоких и узких ям. Это называлось «карцером». Фашистские истязатели сталкивали пленных в ямы и заставляли выстаивать на ногах по несколько суток, не давая ни пить, ни есть. Ежедневно в лагере умирало по несколько десятков человек. Пленные гибли от голода, побоев, дизентерии и лихорадки.

Незадолго до бегства из захваченного района немцы погнали оставшихся в живых пленных к Великим Лукам. Тех, кто не мог быстро идти, пристреливали на месте... В пути на протяжении 12 километров... гитлеровцы прикончили 83 человека...»

О том, что происходило в поселке Кунья в первые дни оккупации, вспоминает бывшая разведчица партизанского отряда М.Я.Козлова-Журавлева.

Из воспоминаний М.Я.Козловой-Журавлевой (материалы предоставлены районным краеведческим музеем):

«Шли первые дни немецкой оккупации. Фашистские орды рвались к Москве. На центральных улицах (теперь Дзержинского и Новая) появились немецкие приказы на русском языке. Они зловеще предупреждали: за оказание сопротивления немецкому командованию — расстрел, за оказание помощи красноармейцам — расстрел, за предоставление ночлега неизвестным лицам — расстрел. Приказы были, вероятно, отпечатаны заранее, еще в типографии Германии. Слово «расстрел» было напечатано крупным жирным шрифтом и видно издали каждому прохожему. А на окраинах Куньи пестрели обращения с предложениями сдаться красноармейцам в плен. Немецкое командование обещало спокойную жизнь в Германии. И бойцы, попавшие в окружение, «откликались» на обращение гитлеровцев: каждый день в окрестностях Куньи слышалась перестрелка - красноармейцы завязывали бои с немцами, пытаясь пробиться к своим. Гитлеровцы несли потери, хоронили убитых тайком около деревень Гречухино и Иванцово. Были убитыми и советские воины, но их тела немцы не разрешали хоронить — всё делали для того, чтобы утратить народ...»

Из воспоминаний Ефросиньи Петровой, размещенных в Книге Памяти Псковской области Куньинского района:

«Страшным для нас, куньинцев, было время оккупации фашистами района и поселка... Горя хватило на всех. Трудно вспоминать о том времени. Жили без радио, газет, писем. Магазины не работали. Но жизнь-то продолжалась. Угнетало то, что ничего не знали мы о событиях на фронте. На заборах появились немецкие листовки примерно такого содержания: «В скором времени Москва будет взята доблестными войсками фюрера». К счастью, однажды удалось подобрать листовку, сброшенную нашим самолетом. Радости-то было! Узнали правду о положении на фронте...»

Пять месяцев оккупации поселка Кунья подробно описаны в воспоминаниях Елены Колоницкой, работавшей после Великой Отечественной войны в районной газете. Принадлежность ее семьи к еврейской национальности представляла смертельную опасность для всех членов семьи, поскольку отношение фашистов к евреям широко известно.

Из воспоминаний Елены Колоницкой (материалы предоставлены Центральной районной библиотекой):

«22 августа 1941 года немцы вошли в поселок Кунья Псковской области, где жила я вместе с родителями и младшей сестрой. Брат добровольно ушел на фронт, прибавив себе годы, а старшая сестра училась в

Ленинграде и впоследствии оказалась в блокаде. До прихода немцев мы уехали на лошади в сторону города Торопца Калининской области, но немцы оказались впереди нас, и нам ничего не оставалось делать, как вернуться в поселок Кунья, но уже пешком, так как лошадь и телегу с вещами у нас отобрали. Один только Бог знает, как мы дошли эти 90 километров пешком, полуголодные, боясь немцев и местного населения, хотя не очень мы отличались от других беженцев, и по чертам лица невозможно было определить кто мы. Мы шли по проселочным дорогам, просили у крестьян еду. Что могли нести на себе, с тем и пришли в свой дом, который уже был разграблен немцами и местными жителями. Правда, часть вещей и мебели некоторые соседи возвратили нам, за что мы им были благодарны.

В поселке обосновалась немецкая комендатура и местное самоуправление с полицаями. Сначала нас никто не выдал немцам, но вскоре появились и предатели, и пособники фашистов. Мне, отцу и матери пришлось явиться в местное самоуправление также, как и другим четырём семьям евреев. Нам было приказано носить белые повязки на рукаве с изображением звезды Давида. Всех евреев из этих пяти семей, что были в поселке, заставляли работать отдельно от русских. Мы выполняли тяжелые работы, рыли окопы, пока еще не было морозов, потом работали на железнодорожной станции, перегоняли вручную товарные вагоны с одного пути на другой. Морозы были лютые - 35-42 градуса, таких морозов никто в наших краях не помнил. Работая на железной дороге, мы часто обмораживали лица, руки, ноги, а теплой одежды у нас не было, ведь все было разграблено. Однажды мы с подружкой остановились, я хотела растереть ей щеку, которая была обморожена, но немец так сильно ударил меня прикладом винтовки по пояснице, что я чувствую боль до сих пор.

Жили мы впроголодь, так как никаких запасов продуктов у нас не было. Хлеб и картофель нам приносили соседи и знакомые из ближайших деревень. Мама ходила по дворам в поселке и в деревнях просить милостыню. У папы был стеклорез, и люди просили его придти и нарезать стекла для окон, за что расплачивались мукой, хлебом, льняным растительным маслом, картофелем. Отец мог заниматься нарезкой стекол, когда нас не выгоняли на работу.

Я хорошо помню председателя колхоза Петрова И.П., который принес нам хлеб и сказал: «Ничего, скоро придут наши, все будет хорошо!» Когда папа сказал ему, что нам нечем рассчитаться, председатель ответил - будем живы, рассчитаемся. Надо отдать должное местным жителям, они просто спасли нас от голода.

По приказу местного самоуправления колхозники привозили картофель для немецкого гарнизона. Однажды картофель привезли в очень сильный мороз, и картофель подмерз. Немцы этот картофель не приняли. Тогда колхозники принесли нам несколько мешков картофеля и высыпали

посредине комнаты, делали это быстро, боялись, что их могут увидеть полицаи и немцы. И когда папа сказал этим крестьянам, что нечем рассчитывать, так они ответили: «Ничего, Колоницкий, будем живы, придут наши — рассчитаемся!». Папа раньше работал в системе потребкооперации, часто ездил по району, поэтому его знали везде. И эти крестьяне тоже были его знакомыми.

Через два дома от нашего до войны был дом, где размещалась редакция районной газеты. В этом доме расположилась какая-то немецкая воинская часть, их было немного. Однажды к нам зашел немец и сказал по-немецки: «Здесь будет кухня для офицера». Я только закончила среднюю школу и хорошо его поняла. Этот немец был денщиком, звали его Лёви Котс. Он ежедневно приходил с продуктами, а мама в его присутствии готовила. Папа говорил с ним на идиш, денщик отвечал по-немецки. И они понимали друг друга. Иногда денщик приносил нам хлеб, запечатанный в целлофан, на обертке было написано - 1939 год. Фашисты давно готовились к войне. Хлеб был черствый, но для нас и это было счастьем. Немец-денщик знал, что мы евреи, но не сказал об этом своему офицеру. Бывало заходили и другие немцы в дом, хотели чем-либо поживиться, но Лёви Котс выгонял всех, говорил: «Здесь кухня для офицера, а не склад». Мама готовила почти два месяца, а потом эти немцы внезапно уехали также быстро, как и появились. Начался разгром немецких войск под Москвой. Об этом мы узнали от соседей, которые буквально на минуту забежали к нам, чтобы сообщить новости, они опасались, чтобы кто-то не увидел, что они зашли к евреям.

Все пять месяцев пребывания в оккупации мы не раздевались, боялись каждый день, что в любую минуту могут придти за нами и повести на расстрел. Некоторые жители поселка имели свои бани, иногда приходили к нам, говорили: «Как стемнеет, приходите тихонечко в баню, помоемся, только быстро».

Такое же доброе отношение местных жителей было и к другим семьям евреев, папа наш был хорошим хозяином, у нас всегда были в запасе дрова, поэтому мы могли истопить печь, сварить скудный обед или пожарить «драники» из мерзлого картофеля. Я до сих пор помню вкус и красивый цвет этих «драников».

Соседи и знакомые помогали нам, чем могли. Но не все сочувствовали нам, были и такие, кто не прочь был поиздеваться над беззащитными. Однажды папа шел по улице, и какой-то мерзавец указал немцу, что вот, мол, идет еврей, так этот немец так избил отца, что отец едва добрался до дома. Мама, как могла, лечила отца, состояние его было тяжелым, а на следующий день все равно нужно было отцу идти на работу. Мы работали помногу и быстро, немцы все время подгоняли нас, куда-то спешили. Где фронт, как там идут дела - мы почти ничего не знали...

...Всего пять месяцев прожили мы в оккупации, но сколько нам пришлось пережить унижений и оскорблений! Эти пять месяцев протянулись, как долгие жестокие годы, мы потеряли здоровье, но остались живы, и за это слава Богу...»

Информация, собранная во время работы над исследованием, дополняет картину происходившего в период оккупации и в деревнях, расположенных в непосредственной близости к поселку Кунья, и в самом поселке.

Из воспоминаний Пятерневой Антонины Федоровны:

«...Через неделю после захвата Куньи в деревню Матушкино, где мы с мамой скрывались у ее сестры Ольги, приехал немецкий мотоцикл, и немец вывесил объявление на доме, что через час в деревню приедет немецкий штаб - «приготовьте яйца-масло». Так и было. Через час взвыли немецкие огромные машины. Немцы стали располагаться по домам. Играла губная гармошка, они что-то говорили. Вечером того же дня вышел из лесу молодой высокий парень и хотел сдать в плен. Немцы вывели его на бугор и расстреляли. Мы все очень плакали...

В доме тети Оли (где были и мы) расположилась комендатура. Затрещали пишущие машинки, заговорил телефон. Во дворе в бане была расположена немецкая кухня, повар часто нас угощал крупным белым горохом с тушенкой. И еще нас, ребят, штабной офицер угощал леденцами. В день, когда они уехали, нас — всех ребят деревни — собрали на крыльце и сфотографировали.

Позже к нам в деревню нагрянули финны. Это были очень жестокие люди. Всё кругом громили, всё что-то искали...

Мы с мамой вернулись домой в Кунью. В тот же день к нам пришел немецкий танкист, взял меня за руку, повел в сарай и показал, чтобы я полезла на верх сарая по лестнице - ему нужно одно или два «яйца». Сам полез за мною. Мы осмотрели все куриные гнезда, но яиц не было. И так он ушел. Вечером пришел к нам второй немец и попросил, чтобы мама продала ему два гуся — для русских раненых нужен был бульон, и дал маме немецкие марки.

В один день мама меня отправила в деревню Матушкино к тете. Я забежала уже за Кунью, как в воздухе появился немецкий истребитель. Я испугалась и рухнула в лозовый куст, а немец спустился так низко и стал строчить из пулемета... Пули ложились рядом со мной, но я осталась жива...

Все это время, пока у нас стояли немцы, было очень голодно. Мама варила оставшуюся рожь, и мы ее ели. Пекла какие-то лепешки из крапивы, в поле собирали струки... Всё это время хотелось есть...

Зима 41-го - 42-го годов была суровой, всё заметало снегом. Нас, взрослых и детей, гоняли чистить на дорогах снег. Почти ежедневно мы раскапывали в рост человека снежные завалы. Отмерзали руки и ноги, но деваться было некуда...»

Из воспоминаний Горюновой Лидии Васильевны:

«...К нам в деревню Тетеркино фашисты шли за едой себе. У нас заранее для себя были вырыты ямы-окопы, чтобы прятаться от врага. О приближении немцев из Куньи мы всегда узнавали по реакции кур: заслышав немецкую речь еще издали, они спешно прятались в картофельную ботву. Это на какое-то время их спасало, пока немцы не догадались, где ловить наших кур, поживиться, унося их с собой. Так фашисты уничтожили всю нашу живность в хозяйстве... Но самыми злыми были финны, которые тоже пришли на территорию поселка и близлежащих деревень...

Мама моя решила, что немцы заняли только наш поселок, а рядом их в деревнях нет, и поэтому собралась к родственникам, которые жили в деревнях Золотухино, Захарцево, Почаево. Мы собрались (а вместе с нами и бывший прокурор поселка Кунья, фамилию не помню) и отправились к Торопцу. Вскоре мы поняли, что вся территория района и близлежащие земли заняты фашистами: лес, через который мы шли, прочесывали немцы с собаками, разыскивая наших окруженных солдат. Мы с мамой вернулись в деревню Захарцево. В деревне была немецкая моточасть. Деревенские жители собирали жалкие продукты, что могли, и передавали нам, детям, а мы по окопам (их было много в лесу рядом с деревней) носили в лес, чтобы передать нашим окруженным бойцам. Не обошлось без горя: в одну из ночей кто-то из окруженных застрелил немецкого часового. Утром на краю деревни собрали всех жителей, отобрали несколько мужчин и на глазах у собравшихся расстреляли... Среди них был Николай Забойников, бывший секретарь комсомольской организации в Кунье...»

Из воспоминаний Селезневой Лидии Ивановны:

«...Немцы жили у нас в Кунье пять месяцев. Что у нас было — всё забрали: и продукты, и всё остальное. Увозили скот: грузили в товарные вагоны коров, и у кого овцы были - всё. Отправляли в Германию. Курам голову открутят, и в мешок. Всё-всё забрали немцы... Ничего абсолютно не было. Я помню, пришли к нам несколько немцев, а я была дома с бабушкой. Бабушка у меня уже старая была, под 80 лет. Немец что-то спрашивает, а бабушка ничего не понимает, стоит и всё, меня за спину прячет. Тогда он ее толкнул и пошел что-то искать. Что были в доме продукты, всё забрал. Пошел в кладовочку, а там стояла соль в мешке, с пуд. Соль последнюю забрали и ушли.

Пять месяцев жили мы с немцами. Потом пришли финны. Мы их очень боялись, они были очень жестокими. Но на моих глазах никого не убивали...

Как-то летит самолет, и сыпется что-то с него. Я подбегаю, руки выставила: думала, что это игрушки какие кидают (игрушек же у нас никаких не было), и начали взрываться бомбы... Мне показалось, что это совсем близко, а это было, конечно, далеко. Я — назад, бегом домой. И так часто были налеты самолетов: не один, а много, очень много. Как начнут бомбить Кунью, всё разбили. Вокзал был очень хороший...»

Любое сопротивление фашистам было смертельно опасным. Но несмотря на это, в поселке Кунья образуется подпольная молодежная группа - ученики старших классов Куньинской средней школы. Об этом свидетельствуют воспоминания бывшей разведчицы партизанского отряда М.Я.Козловой-Журавлевой и статья «Это было в Кунье», опубликованная в районной газете «Пламя».

Из статьи А. Николаева «Это было в Кунье» районной газеты «Пламя» от 13.12.2001 года:

«...Это ребята, которым было по 16-18 лет. Среди них: братья Иван и Алексей Павловы, Александр Мотылев, Михаил Козлов, Николай Гущо, Сергей Русаков, Александр Деревянкин, братья Петуховы, Владимир Иванов, Александр Герасимов, Владимир Новиков, Иван Коздуров, Михаил Невдачина, Михаил Журавлев, Надежда Баранова, Мария Журавлева. К ним примкнули и те, кто был постарше: Дмитрий Краснов, Виктор Кочаревский, Иван Алешин. Сюда следует также отнести Марию Козлову, Евгению Ткачеву, Василия Зуба... Молодежная группа была тесно связана с партизанским отрядом, которым командовал бывший председатель Куньинского райисполкома Федор Семенович Иванов. По его заданию они собирали разведданные о противнике, проводили диверсии, пропагандистскую работу среди жителей поселка, ближних и дальних деревень. Они доставляли захваченное продовольствие у оккупантов в партизанский отряд, которым командовал майор Марсов...

Некоторые из конкретных действий молодых патриотов можно перечислить. Например, спасение раненых бойцов Красной Армии из госпиталя, которые находились в нем на лечении и которых не смогли эвакуировать при отступлении наших войск. Именно эти юные ребята сумели найти одежду и переправить их в лес к партизанам, а тяжело раненых разместить по домам. Если бы этого не сделали, то фашисты уничтожили бы всех. Или расклейка в райцентре листовок «Смерть немецким оккупантам!». Они распространяли сводки Советского Информбюро о разгроме немецких войск под Москвой, принятые по радиоприемнику. За все это патриоты подвергались смертельной опасности.

Постоянно велся сбор разведданных о движении поездов через станцию Кунья, поступающим немцам вооружении. Юная Женя Ткачева устроилась переводчицей к куньинскому коменданту, собирала партизанам самые секретные сведения. Женя Ткачева выводывала численность

куньинского гарнизона немцев, их вооружение, точное расположение казарм, складов оружия и продовольствия. И все это патриоты сумели передать в партизанский отряд Марсова.

Юным подпольщикам удалось определить маршрут движения большого немецкого обоза и недалеко от деревни Аннино разгромить его. Эту операцию возглавил Дмитрий Краснов.

Они же увели у немцев две подводы, груженные патронами, гранатами, и отправили к партизанам.

Подпольщики из засад убивали захватчиков, атаковали даже их казармы перед приходом в Кунью частей Красной Армии и партизанского отряда. Погибли комсомолец Володя Иванов и разведчик Василий Зуб...

Тогда никто из них не думал о подвиге, тем более о наградах. Они, юные подпольщики, прежде всего шли на самопожертвование ради освобождения родной земли от оккупантов...»

Таким образом, из информации, полученной из различных источников, следует, что пять месяцев оккупации поселка Кунья стали тяжелым испытанием для всех его жителей. Постоянная угроза расстрела, бомбардировки немецкими самолетами, жестокое отношение к еврейским семьям, тяжелые работы взрослых и детей по расчистке дорог от снега, полное отсутствие информации о происходящих на фронте событиях — всё это характеризует данный период. Но несмотря на смертельную опасность, в поселке образуется подпольная молодежная группа, сотрудничающая с появившимися партизанскими отрядами. Кроме того, жители поселка пытаются помочь друг другу, своим соседям, даже еврейским семьям.

Выдержка, стойкость, способность к самопожертвованию помогли прожить эти тяжелые месяцы гнета фашистских войск.

Глава 3. Освобождение

В середине декабря 1941 года началось контрнаступление советских войск под Москвой. За месяц наступления была освобождена значительная часть Московской, Калининской, Тверской и Смоленской областей. В период с 21 по 31 января 1942 года 3-я и 4-я Ударные армии освобождали Куньинский район.

Из воспоминаний Горюновой Лидии Васильевны, находившейся во время отступления немецких войск в деревне Захарцево у родственников:

«...Вскоре, как мы поняли по поведению врагов, наша армия стала освобождать район. Фашисты готовились отойти, наша авиация бомбила с воздуха зажигательными бомбами, от которых всё вокруг горело (даже земля), мычали коровы. А всех жителей немцы согнали в колхозный сарай и закрыли. Мы понимали по работе моторов мотоциклов врага, что они готовятся к отходу, торопятся. Вот эта спешка отступления и налеты нашей авиации спасли нам жизнь: вдруг наступила тишина, немцы отошли, и мы остались живы...»

Из воспоминаний Елены Колоницкой:

«... Вдруг 20 января 1942 года стало очень тихо, и мы поняли, что немцы удрали из поселка. Остаться в своем доме было опасно, мы ушли в ближайшую деревню за два километра от поселка. Там нас приютил в бане один крестьянин, мы пробыли там два дня, а потом решили вернуться в поселок, в свой дом. В этот день в поселок пришли первые разведчики - наши красноармейцы. Немцы, по-видимому, ночью отступили по железной дороге в сторону Великих Лук...»

Из воспоминаний Пятерневой Антонины Федоровны:

«...В день, когда отступали фашисты, было очень-очень страшно. Это было утром. Немцы поджигали, что могли: горели цистерны с горючим на железной дороге, дома, была взорвана водонапорная, очень красивая, башня у вокзала...»

Из воспоминаний Столяровой Евгении Дмитриевны:

«...Когда немцы уходили из Куньи, они взорвали водокачку, испортили стрелки, шпалы. Они были на лошадях. Мы жили тогда на Набережной. Отец пришел с работы на пекарне: «Выходите на улицу - немцы уезжают из Куньи». Был морозный день. Немцы на санях скрипят. Громко разговаривают. Какое-то время никого не было. Потом немцы приехали из

Лук на разведку. Говорят, их встретили огнем наши бывшие полицаи (их человек 5 было)... Потом пришли партизаны...»

Из воспоминаний М.Я.Козловой-Журавлевой, бывшей разведчицы партизанского отряда Куньинского района:

«В ночь на 22 января 1942 года группа партизан на семи подводах двигалась на Кунью, занятую фашистами. Обстановка была до некоторой степени ясной. Еще 19-20 января в районном центре побывали несколько партизан (Ф.Ильинский, В. Ильинский, В. Барляев и другие). По их мнению, с фашистским гарнизоном партизаны справиться сумеют.

И вот группа в пути. Недолгим был привал в Овечково. Партизаны зашли в дом колхозника Василия Сергеева. Весть о прибытии в деревню вооруженных людей вмиг облетела односельчан. В считанные минуты наполнился дом...

До рассвета 22 января мы были уже в деревне Клин, в трех километрах восточнее Куньи. Староста Ершов успел предупредить гитлеровцев, которые ночевали в Желтилове, что появились партизаны. Фашистов как ветром сдуло.

И вот — окраина Куньи. Несколько наших выстрелов остались без ответа. Двинулись дальше. Взяли в плен четырех фашистов. Может быть тех, которые только что взорвали водокачку и подожгли Дом советов...

В тот день, выступая перед собравшимися на митинге жителями поселка, партизаны дали слово не допустить больше врага в райцентр. Нужно было быстро собрать всех, кто может сражаться, иначе небольшая группа партизан будет разбита.

23 января во все основные населенные пункты были посланы нарочные, которые призывали всех, кто может держать оружие, присоединиться к группе. И уже 25 января в группе было 600 человек. Вооружение оказалось, конечно, самым разнообразным. Припрятать или захватить у немцев жители сумели не только винтовки и автоматы, нашлись даже пулеметы и минометы.

Бойцов распределили на две группы, во главе которых были поставлены лейтенанты Горлов и Хмара. Командовать всей группой было поручено майору Марсову.

Боевое крещение приняли уже на следующий день. Один из постов доложил, что у железнодорожной будки, что за семафором, замечена группа неизвестных, сопровождающая обоз. Шла она по полотну дороги со стороны Великих Лук. Нужно сказать, что на этом направлении «гостей» не ждали. Выработали такой план действий: если это фашисты, то ближе ста метров к переезду их не допускать и разгромить на открытом месте. Сигналом к бою должна была послужить длинная очередь пулемета «максим»,

установленного у окна дома, где раньше размещался потребсоюз. Сразу должны были вступить в бой те, кто находился в засаде на улице Дзержинского и у взорванной водокачки.

Но вот показались пришельцы: несколько больших с высокими бортами саней, а спереди и сзади до двух десятков фигур, не похожих на военных. Все закутаны то ли в одеяла, то ли еще в какое-то тряпье.

Сомнений не было — это фашисты. Партизаны открыли огонь. Быстро смело врагов с полотна железной дороги под откос. Вести дальнейший огонь было бесполезно. Нужно было менять позиции, чтобы вновь достать до врага. А уцелевшие фашисты опомнились и укрылись в железнодорожной водосточной трубе, откуда стали огрызаться огнем. Но продержались они недолго и вскоре выскочили в сторону Загорной улицы, пытались уйти вдоль железнодорожной насыпи. Их догоняли меткие пули народных мстителей...

В тот же день во второй половине на поселок совершила налет вражеская авиация...

27 января серьезная обстановка сложилась в районе Ущиц. Два дня шли ожесточенные бои. 28 января немецкая группировка отошла и закрепилась в деревне Корнилово. Несколько раз поднимались в атаку наши бойцы, но захватить позиции врага, имевшего ощутимый перевес в боевой технике, не удалось.

Зато на следующий день пришла большая радость. Из Назимова прибыли три лыжника, сообщившие о подходе стрелковой бригады Советской Армии под командованием Горбунова. Отряд выстоял и дождался своих!»

Из воспоминаний Пятерневой Антонины Федоровны :

«...Когда пришли наши войска, военных размещали по домам. У нас был дом большой, и к нам поместили взвод солдат с командиром Кибиреком по фамилии Снулицкий. Кормить солдат было нечем, командир получил на взвод сухой паек — полмешка ржаной муки. Он попросил меня, эту хрупкую девочку, испечь им лепешки, и я всю эту муку перепекла на лепешки в русской печке и накормила взвод.

По ночам они все уходили на какое-то задание, а мне оставляли солдата в помощь, и я мыла в доме полы.

Шли страшные бои под Великими Луками, в деревне Корнилово. После боя взрослые ездили на саночках и ходили пешком, чтобы привезти убитых лошадей (так как есть было нечего). Мясо разрубали и складывали в бочки, потом пекли котлеты и варили суп...»

Из воспоминаний Селезневой Лидии Ивановны:

«...Ну а потом началось наступление, немцев стали выгонять. Были страшные бои. Мы всё сидели в окопах (не знаю, кто нам копал эти окопы).

Это были большие, глубокие ямы, накрытые бревнами. И мы туда лазили, народу столько, что мы один на одном сидели... Не было места даже. Есть было совершенно нечего. Я только помню, как грызла в этом окопе сырую картошину.

Потом немцев выгнали, это было где-то в конце января. Было очень много наших солдат и раненых, и погибших. Раненых солдат с полей, где шли бои, начали носить в дома. В нашем доме всё было занято ими — всё лежали наши солдатики, стонали от боли страшно. У меня мама работала санитаркой, и она их перевязывала. Бинтики стирала, меня заставляла их потом крутить в трубочки, я всё сидела, крутила. Потом слышу, говорит солдатик: «Девочка, пить!» И вот я возьму кружечку и с ложечки каждого поила, они ведь не сидели, а всё лежали. Не могу, как вспомню... Говорили, что больше украинские и белорусские солдата освобождали Кунью.

Потом мы с девочкой-соседкой пошли в деревню. У кого остались коровы, стали мы просить, чтобы нам налили молочка. Взяли небольшие солдатские котелочки и пошли. Давали нам кто кружечку молока, кто стаканчик. И мы их приносили и поили наших военных этим молочком, тоже давали им по ложечке. Потом возле нашего дома поставили военную кухню. И помню, как мне повар наложил целую чашку каши пшенной за то, что поила наших солдатиков. Я эту всю чашку каши съела, так было вкусно, что до сих пор помню этот вкус. А потом раненых забрали: грузили в товарные вагоны и отправляли на восток.

Под Великими Луками еще очень долго шли бои. Я до сих пор боюсь грозы — били, как будто гроза гремит. Гремело очень долго, а я все боялась, что немцы опять придут к нам. Но немцы больше не пришли...

Еще война была, а люди уже начали потихоньку восстанавливаться, работали, жили за счет огородов. Помню, когда началась весна, мы ходили на колхозные поля и перекапывали там, где раньше росла картошка. И эту гнилую мороженую картошку брали домой и ели. Потом уже стали восстанавливаться колхозы, работали взрослые в колхозах за трудодни, деньги не платили. Было очень тяжело...»

Из воспоминаний Горюновой Лидии Васильевны:

«...Когда освободили Кунью, в поселке стала работать школа, а в нашей деревне Тетеркино (сейчас Кресты, рядом с Куньей) был госпиталь. К нам привозили больных и раненых. Наша хата была вместительной, поэтому больных (а из Великих Лук привозили больных тифом) клали прямо на пол, а ухаживали за ними. Конечно, сыпной тиф — болезнь инфекционная, поэтому вскоре мы тоже заболели. К нашему счастью, нам повезло: медперсонал из военного госпиталя выходил и нас, гражданских...

После полного освобождения района мы, дети, помогали во всем взрослым. Нас, учеников, водили в деревню Матушкино молотить лен (эта

культура очень нужная, шили одежду для армии), мы копали картошку, собирали колоски, грабили сено. Детства, как такового, у нас не было, но мы не унывали, ведь главное — тишина, мир... Уходят в прошлое те страшные годы войны, все меньше остается ее участников, но живут дети войны, ее пережившие. О них слагаются стихи... (приложение 3)

Из материалов районного краеведческого музея:

«... К началу февраля Куньинский район был полностью освобожден от оккупантов. В ожесточенных боях с гитлеровцами на территории района погибло около 9000 советских воинов. Их прах покоится в воинских захоронениях. Куньинца свято чтут память о них. Они также не забывают и о тысячах воинах-земляках. Храбро сражавшихся на всех фронтах Великой Отечественной войны...

Немало сил пришлось приложить жителям района, чтобы залечить раны, нанесенные войной. В неимоверно сложных условиях довелось им восстанавливать разрушенное хозяйство. Но уже в 1942-м году начали работать многие школы, возрождались колхозы и совхозы. На обожженной войной земле возрождалась жизнь...»

Сегодня в поселке Кунья имеются две улицы и один переулок, названные в честь погибших советских воинов. Подробно об этом рассказано в исследовательской работе «Имена героев войны в названиях улиц поселка Кунья» обучающейся МБОУ «Куньинская средняя общеобразовательная школа» Колядинской Александры (научный руководитель - Трофимова Любовь Петровна).

Из материалов исследовательской работы:

«...16 декабря 1983 года Исполнительным комитетом Куньинского Совета народных депутатов было принято решение... о переименовании улицы Набережной поселка Кунья в улицу полковника Николая Гавриловича Докучаева, а улицы Школьной в улицу полковника Павла Федоровича Лобова. 12 марта 1999 года распоряжением Администрации Куньинского района переулок Безымянный переименован в переулок имени старшины 1 статьи Федора Васильевича Егорова, служившего на легендарной подводной лодке С-13...

...В ноябре 1942 года 9 Гвардейская стрелковая дивизия, в которой служил полковник Николай Гаврилович Докучаев, была переброшена под город Великие Луки. Перед дивизией стояла задача: окружить и уничтожить Великолукскую группировку немцев, не допустить, чтобы фашисты перебросили войска на важнейшие участки фронта, в том числе и под Сталинград. 31 Гвардейский полк выступал на главном направлении. Командный пункт Николая Гавриловича находился на северной окраине небольшой деревни Батово, недалеко от станции Кунья, в деревенской избе. Немецкие танки вели обстрел. Один из снарядов попал в крышу дома.

Докучаев Н.Г. был смертельно ранен. Из воспоминаний бывшего начальника политотдела дивизии Г.П. Сорокина: «Я в это время находился на командном пункте Докучаева, на северной окраине деревни Батово, недалеко от станции Кунья, в обыкновенной деревенской избе, в которой почему-то собралось до десятка маленьких детей. Немецкие танки вели обстрел термитными снарядами. Один из них попал в нашу крышу. «Надо укрыться на складках местности», - решил полковник. И тут он обратил внимание на ребяташек. Сказал мне: «Гена, давай сделаем так: сначала пусть выбегают дети, а потом уже мы. А то заметят, пристреляются». В это время над нами взорвался снаряд. Дети бежали уже в лог. И последнее, что я помню – Докучаев грузно повалился на меня. А я был контужен...» Так погиб командир 31 гвардейского стрелкового полка Николай Гаврилович Докучаев...

... 4 января 1943 года после мощных артиллерийских ударов немецкие части пошли на прорыв к Великим Лукам. В этих жарких схватках с врагом участвовала 44-я лыжная бригада, командиром которой был Лобов Павел Федорович. Полковник П. Ф. Лобов умело управлял частями бригады, в решающие моменты появлялся на самых сложных и ответственных участках, неоднократно лично водил батальоны в атаку. 6 января 1943 года он погиб на боевом посту от разрыва вражеского снаряда, выпущенного из танкового орудия... 26 января 1943 года Командующий войсками 3-й Ударной Армии генерал-майор Галицкий в представлении к награждению Лобова Павла Федоровича писал: «...За время Великолукской операции противник понес от 44-й лыжной бригады потери: убитыми более 2 тысяч человек и пленными 31 человек. Уничтожено 7 станковых пулеметов и 18 автомашин с грузами. Захвачено в качестве трофеев 4 танка и 22 автомашины. На фоне героической бригады сочной, колоритной фигурой выступает личность командира бригады, пламенного большевика, полковника Лобова. Он достоин награждения посмертно орденом Ленина». П.Ф.Лобов действительно был представлен к награждению орденом Ленина...»

Николай Гаврилович Докучаев, Павел Федорович Лобов отдали свои жизни, освобождая наш района от оккупации немецко-фашистскими захватчиками, и пали в боях под Куньей и Великими Луками. Память о них останется в названиях улиц и переулка и всегда будет жить в людях, считающих поселок Кунья своей малой Родиной...

Оккупация района и его освобождение стали тяжелым периодом для нашего района. Под налетами советской авиации немецкие войска в спешке покидали захваченные деревни и сам поселок, взрывая и уничтожая и дома, и наиболее ценные объекты. Первым в опустевший поселок вступил партизанский отряд майора Марсова и на следующий же день принял бой с фашистами, пытавшимися прорваться в поселок по железной дороге.

После освобождения поселка еще несколько дней шли ожесточенные бои под деревней Ущицы и далее в течение долгого времени - под городом Великие Луки. На территорию района привозили раненых, здесь были госпитали. Местные жители размещали раненых в своих домах, ухаживали за ними, кормили. Поскольку во время оккупации была истреблена почти вся живность, само местное население голодало. Особенно страшным этот факт стал для детей того времени — постоянное чувство голода преследует их в воспоминаниях до сегодняшнего дня. Это дети без детства, как сейчас говорят они о себе.

Постепенно восстанавливается разрушенное хозяйство, начинают работать школы, возрождаются колхозы и совхозы. Но в памяти жителей война живет до сих пор. Данью этой памяти стало переименование улиц в поселке Кунья. Сегодня в Кунье имеются улица Докумаева, улица Лобова и переулок Егорова...

Заключение

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след на нашей, куньинской, земле. До сих пор воспоминания о ней живут в памяти наших земляков и передаются из поколения в поколение. Люди, пережившие оккупацию, пытаются донести до нас мысль о том, как важно ценить мир и тишину — время без войны...

Период оккупации немецкими войсками нашего района стал периодом настоящего гнёта. Кроме ощущения постоянного страха и голода, люди понимали, что их жизнь зависит от фашистов — их настроения, желаний, мыслей...

Уже в начале июля жители района увидели войну. Четыре бомбардировки поселка Кунья уносили человеческие жизни, уничтожали дома и административные здания. Под Великими Луками шли напряженные бои, жители поселка слышали ежедневную канонаду и надеялись, что враг будет остановлен там, под городом. Но немецкие войска обошли город по старому Торопецкому большаку и оказались в Кунье намного раньше, город Великие Луки был захвачен.

С 22 августа 1941 года по 20-22 января 1942 года население района оказалось под властью гитлеровских захватчиков. Постоянная угроза расстрела, бомбардировки немецкими самолетами, жестокое отношение к еврейским семьям, тяжелые работы взрослых и детей по расчистке дорог от снега, полное отсутствие информации о происходящих на фронте событиях — всё это пришлось пережить местным жителям. В памяти земляков, бывших в то время детьми, сохранились многие воспоминания, рассказывающие о событиях того периода. Они помнят и о зверствах, которые творили фашисты.

Несмотря на смертельную опасность, в поселке образуется подпольная молодежная группа, сотрудничающая с появившимися партизанскими отрядами. Кроме того, жители поселка пытаются помочь друг другу, своим соседям, даже еврейским семьям. Выдержка, стойкость, способность к самопожертвованию помогли прожить эти тяжелые месяцы гнета фашистских войск.

Освобождения все ждали с нетерпением. О том, что советские войска уже совсем близко, куньинцы догадались по спешке, в которой стали собираться немцы. 22 августа в поселок Кунья вошел партизанский отряд Марсова, а через несколько дней со стороны Назимова подошли лыжники, сообщившие о подходе стрелковой бригады Советской Армии под командованием Горбунова.

После освобождения района на его территории находились военные госпитали. Особо тяжелых раненых размещали в домах местных жителей, которые ухаживали за ними и пытались помочь всем возможным. Помогали

и дети. Из воспоминаний местных жителей следует, что и в период оккупации, и после него работали наравне со взрослыми. Очень эмоционально говорится об этом в стихотворении Лидии Васильевны Горюновой, поделившейся в нем своими детскими впечатлениями.

О Великой Отечественной войне говорить важно и нужно. Без воспоминаний о ней мы потеряем часть своей истории, часть жизни своих родных и близких. У многих из нас есть родственники, так и не вернувшиеся с войны. Забыть о тех событиях — значит забыть о своих предках, забыть о самом себе...

Вся информация, собранная в результате работы над данным исследованием, размещена на сайте Центральной Районной библиотеки, передана в районный краеведческий музей и в кабинет истории Куньинской средней школы.

Акт районной комиссии по расследованию зверств, совершенных немецко-фашистскими захватчиками на территории Куньинского района, от 7 декабря 1944 года

1944 года декабря месяца 7 го дня пос. Дунья
В-Дунской обл.

Районная комиссия по расследованию зверств, совершенных немецко-фашистскими захватчиками, в лице председательствующего уполномоченного Григория Дмитриевича и членов: председателя Исполкома Куньинского Райсовета Дрилова Дмитрия Тимофеевича, капитана Иванова Ивана Дикитича, Старшего лейтенанта Виноградова Виктора Дювлевича, Редактора Районной газеты "Сталинский Путь" Стуловой Елены Степановны, Врача Куньинской амбулатории Словохотова Юрия Павловича и секретаря Вербиной Марии Михайловны составили настоящий акт об убийствах и зверствах, причиненных немецко-фашистскими захватчиками в Куньинском районе Великолукской области

Материалами расследования и овидетельскими показаниями установлено, что немецко-фашистские захватчики с момента оккупации Куньинского района Великолукской области приступили к физическому уничтожению жилых домов и надворных построек колхозников в районе, строений, принадлежавших организациям и учреждениям, путем поджога, разбора их на дрова и на постройки дорог. Всего в районе уничтожены: жилых домов - 46, принадлежавших учреждениям и организациям, 11 клубов, 150 скотных дворов колхозов, 67 колхозных конюшен, 70 колхозных телятников, 48 колхозных свиноводческих, 297 сараев и навесов колхозов, полностью уничтожено животноводство; овцеводство, птицеводство, пчеловодство, свиноводство и крупный рогатый скот. Уничтожено строений граждан: жилых домов - 307, хлевов, сараев и амбаров - 574.

Наряду с нанесенными материально-экономическими ущербами района районная комиссия на основе заявлений граждан, овидетельскими показаниями, очевидцев лиц установила, что немецко-фашистские захватчики, оккупировав район, ввели режим кровавого террора и насилия, расстреливали, вешали без следствия и суда, как мирных граждан, а так же и военнопленных угонили в немецкое рабство на каторгу в Германию женщины, оставляя на месте, имеющих детей, без матерей. За 5 месяцев кровавого режима на территории района расстреляно - 83 человека, повешано - 3 человека, умерло после истязаний в застенках Гестапо - 5 человек, погибло от вражеской бомбежки мирных населенных пунктах - 21 человек, убито во время боя - 14 человек мирных граждан, расстреляно и истерзано во время пыток - 139 человек военнопленных, а всего в районе замучено, расстреляно и повешано - 275 человек, подвергнуто арестам и зверским насилиям - 3 человека и насильственно угнано из района на немецкую каторгу в Германию - 10 человек.

В августе месяце 1941 года при оккупации территории Подворского с/совета немецкими захватчиками была проведена эвакуация мирных граждан в немецкий тыл. В момент эвакуации немецкое зверье без всяких к тому причин, без следствия и суда зверски расстреляли ничем неповинных мирных граждан: Константинова Ежика Константиновича деревня Токарево, Дирсанова Константина Арсеньевича, Стрелову Татьяну Емельяновну, Марценкову Ненилу Богдановну, с 1874 года рождения.

По этому вопросу гражданка Константинова Анна Семеновна при расследовании показала о том, что мой муж Константинов Ежик Константинович возвращался домой, не зная, что население из деревни эвакуировано, был немедленно отвачен немецкими извергами и расстрелян без следствия и суда /И Д № 10/.

Свидетель Дирсанова Мария Николаевна по вопросу расстрела своего мужа показала:

В сентябре месяце 1941 года население деревни Мокшилово было выгнано немецкими захватчиками в лес в том числе и моя семья вместе с мужем и детьми. Мой муж Дирсанов Константин Арсентьевич пошел наведать своего брата в деревню Крутели, где последний был пойман немецкими захватчиками и расстрелян лишь только за то, что на допросе он сказал, что в лесу остались его дети, но при проверке их не оказалось, так как они ушли к знакомым //И.Д. №12/.

В деревне Овинцы Морозовского с/совета, немецко-фашистские изверги сошли в доме колхозника Павлова 3 человека бойцов Красной Армии, попавших в окружение, жену Павлова Павлову Парасковью и пятилетнего ребенка Павлова Михаила, а Павлов Егор Павлович был расстрелян около своего дома и вместе с ним расстреляно 2 человека бойцов Красной Армии. В это же время в деревне Овинцы немецкие захватчики без всяких причин расстреляли гр-на Титова Терентия Титовича.

По этому вопросу гражданин Сергеев Сергей Петрович и Григорьев Федор Григорьевич показали: "Так только заняли немецкие войска нашу местность, немецкий офицер с карательным отрядом явился в деревню Овинцы, подойдя к дому гр-на Павлова Егора Павловича они обнаружили, что в его доме находятся 6 человек бойцов Красной Армии, попавших в окружение. Находятся в доме Павлова. Офицер вывел Павлова из своего дома на улицу и здесь же немедленно расстрелял, а немецкие солдаты по команде офицера стали бросать гранаты в окна дома Павлова, где находились бойцы Красной Армии, жена и сын Павлова, а офицер поджег дом Павлова. В огне живыми сгорели вместе с домом все находившиеся там люди, а пытавшиеся прыгнуть в окна из горящего дома бойцы Красной Армии расстреливались. После зверской расправы с семьей Павловых и красноармейцами, нем озавершивший немецкий офицер встретил на улице деревни Овинцы гр-на Титова Терентия Титовича и немедленно расстрелял //И.Д. №94/.

В августе месяце 1941 года немецкие солдаты напали в деревне Кузнецово Первоякского с/совета, раненого немецкого офицера и впоследствии на то, что он был ранен местными жителями дер. Кузнецово, немецкие солдаты зверски расстреляли Русанову Дарью Феоктистовну, ее трех малолетних сыновей-Владимира Герасимовича, Евгения Герасимовича и Николая Герасимовича, и вместе с ними были расстреляны Давыдов Владимир Павлович, Макаров Андрей Ермолаевич и Русанкова Евдокия Александровна //И.Д. свидетельских показаний №№ 33, 34, 35./

В феврале месяце 1942 года в момент отступления немецких войск с территории Октябрьского с/совета деревни Анино карательный отряд объявил мёртвых жителей деревни Анино партизанами Илларионова Илью Илларионовича, Николаева Константина Николаевича, Драонцева Тимофея Авдеевича и расстрелял. В это же время вышеуказанный карательный отряд расстрелял Антонова Иосиф Матвеевича, Яковлева Антона Яковлевича зато, что они ухаживали за больными.

Свидетель Илларионова Вера Матвеевна по этому вопросу рассказала: "... В феврале месяце 1942 года в деревни Анино прибыл немецкий карательный отряд. Немецкие люди ворвались в наш дом, вывели на мороз всю нашу семью в том числе меня, малолетнего сына и мужа Илларионова Илью Илларионовича выстроили в ряд на улице, через некоторое время меня с сыном отпустили в дом, а моего мужа и Николаева Константина Николаевича, и бойца Красной Армии, попавшего в окружение расстреляли из автоматов.

Аборенкова Ольга Михайловна об убийстве гр-на Яковлева Анатолия Яковлевича жителя деревни Паломково показала: "... Что Яковлев был зверски убит за то, что он оказывал помощь больным. //И.Д. №27, 28, 29./

В сентябре месяце 1941 года немецкие захватчики задержали двоих красноармейцев, попавших в окружение на территории Красноосенского с/о деревни Петухи. Немцы над двумя безоружными красноармейцами зверски надвались, а затем расстреляли.

4

По этому вопросу свидетель Петухов Ели Григорьевич показал: "... что не далеко от деревни Петухи, на поляне около леса, немцы задержали двух красноармейцев, попавших в окружение, которых раздели, разули и над голыми зверски издевались, а после расстреляли." / И.Д. № 22, 23, 24 /

В феврале месяце 1942 года немецкие захватчики в деревне Селище, Красносельского о/совета задержали 7 человек красноармейцев в попавших в окружение, подвергли зверскому допросу и, не получив никаких показаний от Советских патриотов, зверски расстреляли их.

По этому вопросу свидетель Шурова Екатерина Филипповна показала: "... 7 человек военнослужащих, попавших в окружение, которые скрывались от немцев в деревне Селище, но были задержаны немецкими захватчиками, подвергнуты зверскому допросу, а после расстреляны" / И.Д. № 25, 26, 27 /

В сентябре месяце 1942 года на территории Серебряницкого о/с, деревни Иваново немецкий офицер арестовал ничем не повинных граждан этой деревни Гурьена Петра Васильевича в возрасте 70 лет и Михеева Петра Дмитриевича, подверг их зверскому допросу, но, не добившись от советских патриотов нужных ему показаний, немецкий офицер Гурьена и Михеева расстрелял.

Свидетель Гурьева Фаина Ивановна показала: "... что в сентябре месяце 1941 года в деревне Иваново, Серебряницкого о/совета, немецкий офицер арестовал ничем не повинных Гурьева Петра Васильевича в возрасте 70 лет и Михеева Петра Дмитриевича и за то, что они на допросе не дали никаких показаний их расстреляли" / И.Д. № 77, 78. /

В августе месяце 1941 года в деревне Лукино, Улицкого о/совета, немецкий карательный отряд арестовал Котова Ивана Андреевича и Котова Леонида Петровича за то, что Котовы немецкому офицеру не доставили мед, которого у Котовых не было. Немецкий карательный отряд Котовых не только расстрелял, но мертвых ^{искололи} итниками и трупы сожгли на костре.

По этому вопросу свидетель Котов Ели Андреевич показал: "... что Котов Леонид Петрович и Котов Иван Андреевич были арестованы за то, что они от казались принести мед для немецкого офицера, которого у них не было, немцы не только их расстреляли в присутствии граждан деревни Лукино, но мертвых искололи итниками и трупы Котовых в расщелинии деревни Лукино сожгли на костре." / И.Д. № 80, 81. /

В январе месяце 1942 года в момент отступления немецких захватчиков с нашей территории в поселке Улицы прибыл немецкий карательный отряд, каратели жестоко издевались над мирными жителями, а затем отобрали все население из поселка Улицы насильственно загнали их в неотапливаемое кирпичное помещение в количестве 13 человек. Немецко-фашистские изверги раздели и разули загнанных в здании граждан-взрослых и детей и раздетыми и босыми выгнали на мороз, где над ними издевались и жестоко избивали прикладами, а после издевательств-расстреляли 10 человек: Баранова Дмитрия Ивановича, его сына Федора Дмитриевича, Стреленго Карла Ивановича, Чекистарева Владимира Васильевича, Волгадона Августа Фрицевича, Бивина Владимира Софроновича, Ванченкова Андрея Васильевича, Анисимова Егора Ивановича, а трое Дроздов Антон Сергеевич, его сын Александр Антонович и Муранов Дмитрий Степанович были ранены и, притворившись убитыми, спаслись.

Один из оставшихся в живых-очевидец Дроздов Антон Сергеевич показал: "... 31 января 1942 года поселок Улицы прибыл немецкий карательный отряд в количестве 30 солдат и одного офицера. Все население поселка Улицы загнали в каменное помещение, разули, раздели детей, стариков и женщин, а затем разутых и раздетых выгнали на мороз и погнали в поле, где отобрали 13 человек в том числе и меня и 4 подростков. В присутствии остальной толпы избивали нас прикладами, а после этого стали расстреливать. Я был тяжело ранен,

уши и больше ничего не помнит". И.Д. №80, 81, 82, 83.

В ноябре месяце 1941 года в деревне Сергино, Ушницкого с/сов. приехавший карательный отряд, где было собрано все население деревни, а затем их разделили на три группы, из которых выбрали трех мужчин: Малышева Андрея Ивановича, Богданова Ивана Богдановича и одного оставшегося в окружении лейтенанта по имени Андрей уроженца города Москвы, объявили их виновными в покушении на взрыв ж/д дер. моста и на глазах у населения повесили лейтенанта, а Малышева и Богданова после издевательств над ними отпустили с условием достать для солдат 40 яиц и по одному гусю.

Вышеуказанный факт подтверждается свидетелями Малышевым Петром Павловичем, присутствующим при издевательствах и повешении ст. лейтенанта. И.Д. №84, 85.

В ноябре месяце 1942 года в деревне Захарцево, Гуздовского с/о приехавший карательный отряд во главе с офицером, арестовали мирных граждан: Кудрявцева Ивана Ириллиовича, Родина Алексея Владимировича, Иванова Давыда Ермолаевича, Иванова Алексея Ивановича, Богданова Алексея Богдановича, Лукина Антипа Лукича, Петрова Родиона Петровича, Радуцкого Владимира Николевича всего восемь человек, объявили их все в связи с партизанами, тут же расстреляли. Факты расстрела подтверждает гр-ка дер. Захарцево Кудрявцева Вера Ананьевна. И.Д. 96, 97, 98.

В августе месяца 1942 года в железнодорожной будке, расположенной в 4 километрах от станции Кунья, немецким карательным отрядом были захвачены Иванов Иван Михайлович - бывший работник Райсбергаосси, Козлов Павел Сафронович и угнаны в немецкое рабство. Кроме этого, немецкие захватчики арестовали и угнали в Германию колхозников Б-за 1а Мая, Первомайского с/с Чистякова Николая Игдатовича и Владенкова Ивана Ивановича. Судьба последних не известна. И.Д. 47, 48, 49.

На основании вышеизложенных фактов и просмотра всех материалов Районная комиссия по расследованию злодеяний в районе установлена в а в т: что немецко-фашистские изверги, не имея на то никаких причин и оснований, умышленно и преднамеренно проводили практику уничтожения мирного населения, а так же и военных, попавших к ним в окружение.

Убийство и расстрелы, как мирных граждан, так и военных, сопровождалось издевательствами, насильями, избиениями недостойными человеческого поведения.

Уничтожение происходило не только взрослого населения, но и малых детей и престарелых стариков.

Немецкие войска умышленно, без всякой на то надобности и необходимости разбирали и сжигали общественные постройки во всех местах своего пребывания.

Немецкие рабовладельцы не только уничтожали население расстреливая, но наиболее крепкую часть населения ловили и отправляли в Германию в рабство.

Районной комиссии не удалось установить фамилии преступников, номера частей военных частей, карательных отрядов, совершавших грубые и зверские преступления, но комиссия возлагает всю ответственность за совершенные злодеяния и причиненные убытки на солдат армии, в особенности карательных отрядов, на командный во главе с палачем Гитлером.

комиссии: *Ушницкий* /учителей/
д. Райисполкома *Иванов* /Иванов/
Виноградов /Виноградов/
Родина /Родина/
Степанов /Степанов/

Сервилья

Статья Н. Кавской «Лагерь смертников» газеты «Известия»
от 7 августа 1942 года

Лагерь смертников

Местные жители прозвали это место «Облавышевский луг». Даже летом здесь брызжет из-под ног ржавая вода, поднимаются с земли ядовитые испарения. Во время оккупации западной части Калининской области немцы устроили здесь лагерь для пленных красноармейцев.

Круглые склоны котлована и самый луг сплошь изрыты земляными норами. Бесчисленные отверстия в ходах издали напоминают бойницы на крепостной стене.

Размер каждой норы полтора метра в ширину и длину, не более $\frac{3}{4}$ метра в высоту. Вход настолько узок, что пролезть по нему можно только ползком на животе. Свод землянки поддерживается на стойке. Потолок оплетен прутьями, на полу чернеют остатки гнилой соломы и дрянной тросты. Разит сыростью. Из подстилок лезут ядовитые белые, как плесень, грибы. В нижних норах стоит вода. В норе невозможно было сидеть, даже лежа вытануться во весь рост.

Истлевший обрывок сапога, кусок черной обметки, ржавые простреленные консервные банки, из которых шла болотную воду, напоминают о томившихся здесь страдальцах.

Обширная территория лагеря была густо оплетена колючей проволокой. Немские часовые наблюдали за пленными с двух смотровых вышек. С первых чисел сентября по декабрь 1941 г. в этом лагере смертников томилось свыше 6.000 пленных бойцов Красной Армии.

Председатель колхоза имени Сталина П. Петров, колхозник С. Фролов, жена механика МТС А. Дудева, трактористка Т. Данилова, курьер МТС П. Охрамович рассказывают жуткие подробности о царившем в лагере свирепом режиме. Морили голодом. Большим новсе не давали есть.

Территория лагеря сейчас густо поросла рожью. Откуда она тут взялась? Возвращаясь с работы, пленные таскали невозможную колхозную рожь и ели сырое зерно, чтобы не умереть с голода. Попытки жителей накормить несчастных жестоко карались. Немские часовые изуродовали Елену Тарасову за то, что она подала пленному красноармейцу кусок хлеба. Но желание облегчить участь несчастных было сильнее страха перед фашистской расправой. Жители тайком подбрасывали хлеб и картофель в канавы вдоль большака.

Убивали непосильной работой. Пленные падали лес, надрываясь, срывали горы, срывали дорогу. Доведенные до крайнего истощения, обессиленные люди падали. Таких конвоиры до смерти забивали палками. Для «сировинившихся» была изобретена особая пытка. На горе возле бывшего здания немецкой комендатуры до сих пор лежат двенадцать глубоких и узких ям. Это называлось «карцером». Фашистские связисты ставили пленных в ямы и заставляли выставлять на ногах по несколько суток, не давая ни пить, ни есть. Ежедневно в лагере умирало по несколько десятков человек. Пленные гибли от голода, побоев, дизентерии и лихорадки.

Нездолго до бегства из захваченного района немцы потащили оставшихся в живых пленных к Волости Лукам. Тех, кто не мог быстро идти, пристреливали на месте. Партию этих советских военнопленных гнали из Торонца в Кунью. В пути на протяжении 12 километров от деревни Грозново до Бухолова гитлеровцы прикончили 83 человек.

Жгучая печальность, ярость охватывают каждого советского человека, повизавшего бывший лагерь смертников.

Н. КАВСКАЯ,
соб. корреспондент «Известий».

КАЛИНИН.

Стихотворение Лидии Васильевны Горюновой

Мы не участники войны,
В те годы не служили,
Мы были дети, и вместе со страной
Все тяготы войны той пережили.

Нам приходилось чаще жить в землянке,
Там прятаться от взрывов, артобстрела,
Спать прямо на земле, а не в кровати,
И Господа просить помочь остаться целым...

В те годы на себе познали мы сполна,
Что значат мир и тишина,
И если наступает тишина,
То счастьем всем казалась нам она.

В минуты эти спешили дети
Не играть, а взрослым в огороде помогать.
А чтобы выжить, с голоду не умереть,
Нам приходилось хвощ, мокрицу, щавель есть...

Не осуждайте строго нас,
Что говорим об этом мы сейчас:
Живущие теперь пусть понимают,
Что большего богатства не бывает,
Чем в мире жить, согласие,
Ведь в этом наше счастье...

Информационные источники

1. Воспоминания Горюновой Лидии Васильевны
2. Воспоминания Пятерневой Антонины Федоровны
3. Воспоминания Селезневой Лидии Ивановны
4. Воспоминания Столяровой Евгении Дмитриевны
5. Гринев В.А. Куньинский район. Природа, история, современность// Кунья. – 2004. - с. 148
6. Книга Памяти. Псковская область. Куньинский район// Организационно-методический центр. - Псков. - 1994. - с. 18
7. Материалы Куньинского краеведческого музея
8. Материалы Центральной районной библиотеки